

БОЛЬШОЙ ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ЦИКЛ ЭКОНОМИКИ РОССИИ И ИМПЕРАТИВЫ ПОСТКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ

К. А. Хубиев

В статье излагается оценка состояния российской экономики с позиций классического воспроизводственного подхода. Основная идея заключается в том, что за последние два десятилетия экономика России проходила через большой трансформационный цикл (БТЦ). Влияние негативных факторов БТЦ не позволяет развернуть модернизационный потенциал, свойственный фазе оживления. Предлагается провести реформу, суть которой состоит в проведении открытых инвестиционных конкурсов на приватизированных предприятиях с передачей прав победителям этих конкурсов, т. е. инновационно мотивированным субъектам.

Введение

В XXI в. Россия вошла противоречивым вовлечением в процесс интенсивной глобализации мировой экономики. Вступление в ВТО открывает пути потокам товаров, капиталов и ресурсов по обе стороны границ. В конкурентном противоборстве встречно направленных потоков преимущества оказываются на стороне технологически развитых субъектов. Россия вовлекается в процесс мировой конкурентной борьбы, не будучи к ней готовой. Два последних десятилетия основные участники мировой конкурентной экономики потратили на технологическую модернизацию, а Россия потратила то же самое время на социально-экономическую трансформацию, которая в конкурентной борьбе не засчитывается. Противоречивостью положения российской экономики объясняется как ее настоящее, так и будущее. Представляется, что анализ особенностей циклического развития экономики

России в контексте мирового экономического развития поможет определить направления более эффективного взаимодействия с мировой экономикой.

Глобальные проблемы кризиса

Глобальный характер нынешнего экономического кризиса актуализировал вопросы о целях, средствах и перспективах общественного развития. Усилились сомнения относительно всеобщности, универсальности и перспектив рыночно-капиталистической модели, в основе которой лежат ценности методологического индивидуализма, безграничного расширения потребления и увеличения накопленного богатства. Оппонентами целей и средств данной модели оказались: ограниченность ресурсов и провалы самого механизма их интернализации. Остро встал вопрос: что ожидает человечество, а не каждую страну в отдельности, в уже обозримой перспективе при исчерпании

невоспроизводимых ресурсов и необратимых экологических изменениях. Либо продолжится борьба за большую долю ресурсного пирога и среды обитания, либо произойдет объединение интересов и усилий по их планомерному использованию в рамках разумных потребительских ограничений и совместной выработке альтернатив по замещению истощающихся невозпроизводимых природных ресурсов. Вторая альтернатива требует парадигмальных изменений как в общественном развитии, так и в научных исследованиях по разработке и обоснованию новых целей и ценностей глобального экономического развития. Первая, основанная на методологическом индивидуализме, ведет в тупик с драматическими последствиями, которые будет нарастать. По мере исчерпания ресурсов борьба за обладание ими будет вестись с позиции силы на индивидуальном и страновом уровнях, как это уже было неоднократно в совсем еще недавней истории человечества. Глобальный характер кризиса оказался дополнительным напоминанием о том, что среда обитания человечества едина и связана с ограничениями и опасностями. Подан еще один сигнал человечеству о том, что его деятельность по воспроизводству жизни должна быть единой и согласованной в глобальном масштабе. Но приступить к реализации новых целей и созданию новых механизмов глобального экономического развития мешают господство и инерционность старой парадигмы и основанных на ней экономических ценностей моделей и механизмов. Например, Копенгагенская встреча участников Киотского протокола и 15-я конференция участников Рамочной конвенции ООН по изменению климата (декабрь 2009 г.) завершились без существенных нормативных результатов. Заметим, что на данной конференции обсуждались не только вопросы климатических изменений. Были поставлены вопросы коренной трансформации экономик стран с целью «обеспечить для нынешних и будущих поколений долгосрочный и устойчивый рост с низким уровнем выбросов» (На необходимость изменения основ экономического мироустройства указывали участники Давосского форума 2012 года (см. [2]).

Столь важные проблемы накапливаются, формируя критическую массу глобальных природных катастроф и общественных конфликтов. Решение актуальных проблем глобального развития невозможно в рамках старых парадигм, несмотря даже на то, что в рамках Киотского протокола мир осознает свое единство и общность проблем. Опираясь на это

единство, надо двигаться дальше, к выработке и реализации новой парадигмы глобального развития.

Нынешний кризис выявил структурную деформацию мировой и национальной экономик. Гипертрофированно развитый финансовый сектор, на порядок опережающий реальный сектор по своей капитализации, явился одной из главных причин кризиса. В противоречивых функциях капитала (созидательной и спекулятивной) — созидательная обеспечивается преимущественно реальным сектором, а спекулятивная — финансовым. Бурное развитие финансового сектора сопровождалось возрастанием спекулятивной нагрузки на экономическую систему. Вторичные и производные активы принято называть фиктивным капиталом. Но он присваивает реальные доходы. Более того, он выработал инструменты гарантированной и высокой доходности. Кризис оказался стихийной реакцией рыночной экономики на наслаивание и «размножение» фиктивных инструментов присвоения общественного богатства, созданного в реальном секторе. Теоретический вывод о необходимости ограничения фиктивного капитала, давно сделанный классической теорией, не доведен до практических действий. В реальной практике наблюдается странная эклектичность: с одной стороны, правительства ведущих стран во время финансового кризиса в приоритетном порядке оказывали помощь финансовому сектору, а лишь потом структурам реального сектора. С другой стороны, на исходе рецессионной фазы кризиса с публичной громкостью Президент США усиливает фискальную нагрузку на банковскую систему. С точки зрения политической — это эффективная мера, но с научной, а затем и практической точки зрения, это и непоследовательно, и неэффективно. За многочисленными декларациями о необходимости изменения финансовой системы нет научного обоснования характера и масштабов необходимых перемен. Для этого необходимо определить границы эффективного влияния финансового сектора на реальный и блокировать все «игровое», спекулятивно-паразитическое пространство. Если сохранится и усилится доминирование фиктивного капитала, угроза кризисов сохранится, а их последствия не вполне предсказуемы.

Для совершенствования структуры экономической системы необходимо разграничить финансовый и реальный секторы. Здесь возникают практические и теоретические трудности. Статистическая практика многих стран

разграничивает финансовый и нефинансовый сектора. При этом разделение ведется по институционально-организационному признаку. Капитал финансовых организаций относится к финансовому сектору, а капитал организаций, производящих реальные блага, относится к нефинансовому сектору. Нам представляется, что более точное разграничение достигается не по организационно-институциональному критерию, а при использовании воспроизводственного подхода с опорой на кругооборот промышленного капитала. Если стартовому движению денежного капитала противостоят товарный и производительный капитал и первая форма трансформируется во вторую, то процесс экономических превращений находится в рамках реального сектора, какая бы организационная форма за этим ни стояла. Если стоимость в денежной форме превращается в товарно-производительную форму, то функционирует в реальном секторе и там должна быть учтена, если даже она институционально принадлежит финансовой организации. Если же движение капитала превращается во вторичные активы и там оказываются связанными в бумажном (фондовом) — денежном кругообороте ($D - B - D$), то стоимость пребывает в финансовом секторе, независимо от того, кому она организационно принадлежит. Например, если химический завод приобрел акции, облигации или иные ценные бумаги (деривативы), то его капитал (в данной части) принадлежит финансовому сектору, хотя сам он организационно относится к реальному сектору. Таким образом, не ведомственная принадлежность, а характер кругооборота капитала служит основой разграничения двух секторов. Данный подход помогает лучше понять структуру экономики и принимать решения по ее оптимизации с точки зрения соотношения секторов.

Кризис вновь выявил деформированную структуру производства и распределения дохода. Резко сократившиеся во время кризиса продажи товаров и услуг свидетельствуют не о том, что в них перестали нуждаться, а о том, что производительной силе общества не соответствует его потребительная сила. Сумма стоимости товаров и услуг, сконцентрированных на стороне предложения, превышает стоимость, сконцентрированную в виде доходов на стороне спроса. Для ликвидации данного разрыва используются финансовые инструменты в виде разных форм кредита. Но источником погашения кредита также являются доходы, деформированно распределенные. С макроэкономической точки зрения образуется пи-

рамида, которая рухнет во время кризиса и происходит восстановление равновесия (разрешение противоречия) между производством и потреблением. Названное противоречие обостряется и тем, что во время кризиса из процесса создания благ выключается часть производительной силы общества в виде безработицы и простаивающей части производительного капитала. Отсюда можно сделать вывод, что для устойчивого и равновесного развития экономики производительная сила общества должна развиваться симметрично его потребительной силе.

Императивом посткризисного развития является изменение отраслевой структуры. Каковы тенденции в этом направлении? Часто упоминаются новейшие технологии (био-, нано- и т. д.). Но эти технологии и образованные на их основе отрасли не создадут технической основы завершения данного цикла, в лучшем случае — составят технологический уклад в обозримом будущем. На постсоветском пространстве еще предстоит довершить индустриализацию и завершить освоение информационных технологий, и лишь в более поздней перспективе можно рассчитывать на распространение новейших технологий. В рамках данного цикла основу инновационного обновления основного капитала составят: производство альтернативных видов энергии, энергосберегающие технологии и производство благ, направленных на развитие человека, его физических и креативных способностей. Отраслевой сердцевиной последнего из названных направлений являются здравоохранение и образование. В этой связи реформа образования, в особенности университетского, должна быть направлена на подготовку выпускников инновационно мыслящих и действующих. Достичь данного результата можно единством фундаментальной подготовки и использования информационных технологий. Определяющими компетенциями при этом должны быть: аналитическая, научно-исследовательская, инновационная и антикризисная.

Какая проблема является центральной для постсоветских государств, на какой основной вызов современности они должны ответить? Это зависит от того, с каким технологическим багажом им удастся выйти из кризиса. Либо мы вновь пройдем путь восстановительного роста на старой, уже изрядно обветшалой технической основе, либо войдем в русло закономерного процесса массового обновления основного капитала, которым сопровождается восходящая фаза цикла. Закономерным для

циклического развития в рыночной экономике является второй путь. Но Россия проскочила мимо данного процесса в 1990-е гг. прошлого столетия, поскольку была занята не технологической, а институциональной трансформацией. Разобраться в причинах выпадения наших стран из этой закономерности необходимо для того, чтобы приложить целенаправленные усилия для преодоления негативной тенденции.

Историческая уникальность ситуации состоит в том, что нынешний экономический цикл, усложненный финансово-долговым кризисом, наложился на большой трансформационный цикл (БТЦ), который длится уже два десятилетия. Разрушительные факторы БТЦ были столь сильными, что они не позволяют проявиться созидательным тенденциям нынешнего экономического цикла. Поэтому выход из кризиса для наших стран с обновленным и инновационно насыщенным капиталом значительно труднее, чем для тех стран, которые не проходили через потрясения радикальных трансформаций. Данная проблема является ключевой и заслуживает основательной разработки с целью выработки логически последовательных шагов выхода из кризиса с багажом инновационно обновленного капитала.

Особенности большого трансформационного цикла

Протекание макроэкономических процессов в Российской Федерации и постсоветском пространстве в течение последних двух десятилетий уникально в историческом плане. В современной экономической науке нет разработанных моделей и теорий, с помощью которых можно адекватно описать нынешнее состояние российской экономики и выявить ее тенденции.

Образовавшийся пробел в экономической теории, в определенной мере, можно преодолеть, используя воспроизводственный подход, разработанный в рамках классической экономической теории. В соответствии с этим подходом экономика России за последние два десятилетия проходит особый экономический цикл с некоторыми историческими аномалиями.

Во-первых: это исторически беспрецедентный цикл по своей продолжительности. Он охватывает два десятилетия и не укладывается в рамки закономерностей обычных циклов. В этой связи возникает вопрос о специфических причинах данного цикла. К его рассмотрению мы будем еще возвращаться. Но уже здесь необходимо отметить, что природа и основ-

ные причины данного цикла имеют не только и не столько экономическое содержание. Политические цели и установки зарубежных и отечественных политических сил, заинтересованных в разрушении государства, являются главным фактором длительного разрушительного цикла. В конце 1980-х гг. в СССР не было никаких ресурсных ограничений для наступления кризиса: сырьевых, трудовых, технологических и др. Постепенно реформируемая экономика не допускала возможностей разобщения трудовых и технологических ресурсов, а тем более — их деградации и разрушения. Демонтаж плановой экономики был необходимым условием расстройств всей экономической и политической системы, что и было сделано. Другим генеральным направлением разрушения экономической системы в СССР было расчленение общенародной собственности в ее государственной форме, что также было осуществлено в радикальном исполнении. Но разрушение экономической системы, складывавшейся десятилетиями, не могло оказаться краткосрочным процессом. Оно заняло два десятилетия. Таким образом, политика оказалась концентрированным угнетением экономики, и этим объясняется разрушительность и длительность большого российского экономического цикла.

Во-вторых, описываемый российский экономический цикл оказался беспрецедентным по глубине спада. Сокращение ВВП к 1997 г. составило около 50%. Такого сокращения основного макроэкономического показателя не было даже в самый тяжелый для страны 1942 г., когда немецкими войсками были захвачены экономически развитые территории на западе и юге страны. Такого глубокого спада не было в США во времена Великой депрессии. Подобный уровень сокращения производства был зафиксирован в полностью оккупированной и основательно разоренной Германии в 1945 г. Разрушение экономики страны по политическим мотивам и целям оказалось сопоставимым только с военными разрушениями разгромленной и оккупированной страны. Аналоги столь масштабного спада производства в двадцатом веке можно обнаружить лишь в результатах Первой мировой войны. Таким образом, последствия спада производства по политическим причинам (сюда же можно отнести и военные причины) глубже, чем в периоды циклов, возникающих по сугубо экономическим закономерностям.

В-третьих, драматической особенностью описываемого цикла является то, что в нем на-

рушена одна из важнейших закономерностей, характерных для циклов, имеющих экономическую природу. А именно: на фазе оживления и подъема происходит массовое обновление основного капитала на новой технологической основе. В этом состоит главный позитивный результат цикла. Массовые технологические обновления основного капитала служат главным оправданием трудностей, которые переживает во время кризиса население и предприятия, поскольку массовым обновлением основного капитала создается технологическая основа для более высокой производительности труда, экономического роста и роста уровня жизни. Российский цикл выпал из этой закономерности. Десятилетний рост производства с 1999 г. по 2008 г. носил восстановительный характер. Он происходил, в основном, за счет загрузки старых производительных мощностей, высвободившихся во время спада производства. По данным Госкомстата, обновление основного капитала составляет 3,6-4,1% (1992–2009 гг.) в условиях, когда его износ составляет 48,8% [1, с. 71]. В последующие годы ситуация существенно не изменилась. Фазы оживления и подъема происходили в основном на базе изношенных основных фондов, созданных в советский период. Негативная тенденция восстановительного роста повторяется и в рамках нынешнего кризиса. Социально-экономические жертвы, растянутые на два десятилетия, оказались напрасными. Выходя с самым ущербным результатом из двадцатилетнего цикла, экономика России вползла в новый финансово-экономический кризис. Консервация технологической отсталости обрекает экономику России на неустранимую отсталость, и сырьевая направленность ее экономики может оказаться не временным качеством трансформационного периода, а приобретенным свойством с наследственными перспективами. Такая судьба экономики России полностью соответствует меморандуму международных финансовых организаций, предписывавшим в начале 90-х гг. прошлого столетия уничтожить «неэффективную», с их точки зрения, промышленность России, обремененную военно-промышленным комплексом, а высвободившиеся при этом ресурсы переключить на более «эффективную» западную экономику. Поспешное, технологически и конкурентно не подготовленное вступление в ВТО усиливает угрозу оттеснения России на долгосрочные позиции сырьевого источника для мировой экономики.

Содержание подобных предписаний соответствовало мнению, которое высказывалось

некоторыми высокопоставленными зарубежными политиками, о том, что Россия не заслуживает занимаемых обширных территорий с богатыми запасами сырьевых ресурсов. Если США были заинтересованы в разрушении СССР как великой державы, то страны Западной Европы были заинтересованы в ресурсах, главным образом сырьевых. К этим двум политическим силам прибавилась третья, внутренняя сила. Это социальная прослойка, устремленная к частному захвату государственной собственности и финансовых потоков. Слияние этих трех основных сил с массивной манипуляцией общественным сознанием дало свои разрушительные результаты, а каждая из названных сил ценой этих разрушений удовлетворила свои интересы. В этом состояла суть политического угнетения экономики. Политика выступила (в данном случае) концентрированным угнетением экономики.

В-четвертых: на большой трансформационный цикл (БТЦ) наложились два кризиса 1998 и 2008 гг. Это обстоятельство тоже составляет уникальное экономическое явление. Страны Запада (включая США) фрагментированно пережили кризис 1998 г. и вступили в новый кризис после десятилетнего подъема с результатами технологического прогресса. В России оба кризиса (1998, 2008) были «вмонтированы» в один большой трансформационный цикл. Такие ситуации, когда на один большой цикл накладываются два кризиса, наукой не исследованы. Причем, как уже отмечалось, ни сам большой цикл, ни инкорпорированный в него кризис 1998 г. не дали импульса к технологическому прогрессу и массовому обновлению основного капитала. Кризис в 2010 г. переходит в фазу стагнации, которая еще не преодолена, и тенденция еще неустойчива. Поэтому трудно определить потенциал технологического обновления российской экономики на фазе оживления и подъема. Для оптимистических ожиданий нет предпосылок. Негативный фон большого трансформационного цикла продолжает довлеть над перспективами технологического развития.

Итак, двадцатилетний период (1990–2010 гг.) мы определяем как большой трансформационный цикл. Трансформационный потому, что он охватывает период коренных межсистемных преобразований в социально-экономическом и политическом устройстве общества. Цикл потому, что в нем содержатся все фазы цикла: спад, депрессия, оживление, подъем.

Текущий экономический цикл вмонтирован в БТЦ и испытывает на себе еще не растрачен-

ный разрушительный потенциал БТЦ, который не позволяет перейти на позиции системного обновления основного капитала.

Макроэкономические тенденции, обнаружившиеся при прохождении фаз большого цикла

Либерализация цен в начале января 1992 г. дала взрывную инфляцию в 2700% в год. В 1993 г. цены выросли еще на 1900%. Производство резко сокращалось, опережающими темпами сокращались инвестиции. Социальными последствиями были: рост безработицы, снижение доходов, физическое сокращение населения России. Как общий социальный итог: снижение уровня и ухудшение качества жизни. Исключительно драматический период был пережит в первой половине 1990-х гг.

До 1997 г. шел непрерывный спад производства, хотя и замедляющимися темпами. Сокращалась инфляция. В 1997 г. сформировались ожидания достижения дна экономического цикла в депрессионной фазе и перехода к фазе оживления. Для подобных ожиданий были следующие основания. ВВП показал прекращение спада и даже рост в пределах статистической погрешности 0,4%. Инфляция составила 11% и опустилась до психологического минимума, меньше одного процента в среднегодовом исчислении. Но ожидаемое оживление после длительной рецессии не началось. Мировой финансовый кризис 1998 г. прервал процесс стабилизации российской экономики. Кризис был непродолжительным, но сильным. Он вызвал новое сокращение производства в 4,8% и краткосрочное усиление инфляции — 84%. По своей природе это был финансовый кризис, и основные последствия для экономики России тоже были в основном финансовые — обвал фондового рынка и девальвация национальной валюты. Кризис не затронул глубоко реальный сектор, и в 1999 г. началось оживление и рост относительно высокими темпами. За 10 лет с 1999 по 2008 гг. ВВП вырос в 2 раза и, по оценкам Госкомстата и Минэкономразвития, к 2008 г. экономика России восстановила докризисный уровень 1990 г.

Официальные сведения о том, что экономика России удвоила ВВП за последние 10 лет и восстановила докризисный уровень, вызывает большие сомнения. Эти оценки не соответствуют сопоставимым показателям производства в натуральном выражении даже по относительно благополучным отраслям.

Обратимся к статистическим данным. Если взять за базовый 1991 г., а за текущий — 2008

(предкризисный) год, то обнаружится следующая картина. Уровень базисного периода восстановлен по следующим видам экономической деятельности: добыча полезных ископаемых — до 103,7%; обрабатывающие производства — до 84,4%. При этом производство машин и оборудования — 61,0%; производство транспортных средств и оборудования — до 69,2%. За рассматриваемый период, по данным Госкомстата, не было восстановлено использование производственных мощностей даже в относительно благополучных отраслях [1, с. 209-214]. Если не восстановлено использование производственных мощностей, к тому же значительно изношенных, то производство товаров и услуг тоже не может быть восстановлено. Тем более неправомерен вывод о перегреве экономики России в предкризисный период.

Есть методические трудности сопоставления взвешенных по физическим объемам и стоимости величин. И тем не менее анализ динамики натуральных величин не оставляет сомнений в том, что уровень производства 1990 г. по сопоставляемой товарной структуре еще не восстановлен.

Состав ВВП 1990 г. значительно отличался от состава ВВП, по которому оценивались результаты экономического развития за указанный период. В докризисный период в ВВП не учитывался ряд услуг, в особенности финансового характера, хотя в этот период эти услуги тоже оказывались. Сопоставимая статистика докризисного и нынешнего периода отсутствует, а по оценкам ВВП 2008 г. в сопоставительной товарной структуре составляет около 80% от докризисного уровня. На основе манипуляций составом ВВП выводятся официальные данные об удвоении ВВП за 10 лет, что означает преодоление 50% спада на рецессионной фазе большого цикла. За указанный период менялась и товарная структура ВВП. Опережающими темпами росли отрасли сырьевого состава, производства алкоголя и т. д. Резко сократилось производство в отраслях с высокой добавленной стоимостью.

Качественная оценка факторов восстановительного роста

Сомнения относительно восстановления докризисного уровня производства не служат поводом для отрицания восстановительного роста, который происходит с 1999 по 2008 гг. Актуализируется вопрос об оценке, который необходим и полезен для определения перспектив послекризисного экономического развития.

Существенно важно провести качественный анализ фазы оживления и подъема с учетом факторов роста.

1. Это был отложенный и восстановительный рост. Отложенный рост потому, что основные индикаторы роста сформировались в 1997 г. Начало роста было «отложено» из-за внешнего фактора — финансового кризиса 1998 г., который возник в Юго-Восточной Азии и по каналам мировой финансовой системы перекинулся на Россию. Восстановительный рост потому, что он восстанавливал докризисный уровень на прежней технологической основе. Необходимо отметить, что за два десятилетия не восстановлено то, что разрушено. Эти годы потрачены зря, поскольку восстановление осуществлялось на прежней докризисной технической и ресурсной базе, которая высвободилась в период спада. Как отмечалось выше, фаза подъема не сопровождалась технологическими обновлениями производства. Поэтому и отмечается рост ВВП без развития экономики. В макроэкономической оценке за указанный период не происходило роста потенциального уровня экономики (потенциальный ВВП). Конечно, эти оценки относятся к экономике в целом, хотя в отдельных отраслях была высокая инвестиционная активность даже в период спада. Например, предприятия алкогольной отрасли активно перевооружали производство зарубежными технологиями. Но оценивая экономику в целом, нельзя утверждать, что из развалин кризиса экономика России вышла технологически обновленной. Наоборот, она увеличила свое отставание от технологически развитых стран. Уже здесь напрашивается вопрос: удастся экономике России выйти из последнего кризиса, начавшегося в 2008 г., с технологическим обновлением производства? На этот вопрос мы попытаемся ответить позже. Здесь же необходимо констатировать, что отсутствие технологического фактора роста в послекризисный период требует тщательного анализа иных факторов десятилетнего экономического благополучия, которое вдохновляло идеологов и исполнителей радикальных реформ. По их мнению, двукратным ростом ВВП, доходов населения и другими позитивными результатами страна и население обязаны именно радикальным рыночным реформам.

2. Очевидным фактором роста была конъюнктура роста цен на мировых рынках сырьевых товаров, нефть, газ, металл, лес и др. Этот фактор достаточно широко освещен не только в экономической литературе, но и в средствах

массовой информации, поэтому на нем мы подробно останавливаться не будем.

3. Не совсем ожидаемым фактором восстановительного роста оказалась девальвация национальной валюты. В четыре раза в среднем повысились цены на импортные товары и услуги. Спрос переключился на отечественный рынок, и российские производители получили возможность для увеличения предложения своей продукции. Например, до 1998 г., в том числе и в Сочи, избранном в качестве столицы предстоящих Олимпийских игр, не были заняты огромные возможности для организации отдыха и лечения. Зато иностранные курорты были заполнены российскими отдыхающими. Но после девальвации рубля уже в 1999 г. курорты России оказались переполненными. В Сочи, например, наполненность оказалась более 100%. На полную мощность работали курорты Кавказских Минеральных вод. Оживилось отечественное производство продуктов питания. Отечественными производителями оперативно внедрились в импортозамещающее производство товаров и услуг. Оперативность оказалась возможной потому, что были использованы ресурсы, высвобожденные рецессией. В этом суть восстановительного роста. Оживление экономики по данному фактору носило ситуационный характер. Конкурентоспособность российской экономики не повысилась, производственную базу составляли устаревшие фонды. Поэтому фактор импортозамещения на основе девальвации национальной валюты не мог быть долгосрочным, и он исчерпал себя по мере перестройки цен и их адаптации к мировым ценам на основе нового валютного курса. Помимо краткосрочности у данного фактора есть еще одна негативная черта. Обратной стороной импортозамещающего роста оказалось снижение реальных доходов населения. Рост производства дался ценой снижения уровня жизни. В силу изложенного данный фактор не может быть отнесен к качественным факторам роста. Его суть: краткосрочность, ситуационность, противоречивость.

4. В указанный период образовался еще один фактор. Он касается уровня монетизации экономики. Одной из особенностей рецессионного периода была, как уже отмечалось, высокая инфляция. Борьба с ней велась сжатием денежной массы. В экономике образовался недостаток денежной массы для обслуживания нормального обращения товаров и услуг. Низкий уровень монетизации экономики привел к распространению бартерной торговли (натураль-

ного обмена), что также служило тормозящим фактором для всей экономики. Конец 1990-х гг. обеспечил деньгами каналы денежного обращения. Центральный банк скупал валютную выручку экспортеров через межбанковскую валютную биржу и свои обязательства покрывал выпуском рублевой массы. Повышался уровень монетизации, нормальное товарно-денежное обращение вытесняло бартерные сделки, ускорялись сделки, стимулировались долгосрочные проекты и т. д. Таким образом, повышение уровня монетизации явилось еще одним фактором оживления и роста экономики.

5. В последние годы все чаще стал отмечаться фактор роста внутреннего спроса как стимула для роста предложения.

Перечисленные факторы в их качественной оценке нельзя отнести к позитивным по следующим основаниям.

Они не являются результатом целенаправленного действия правительства. Отложенный и восстановительный рост не обозначались как специальная правительственная программа. Мировая конъюнктура цен на сырьевые товары и энергоносители формируется стихийно, а не по воле правительств отдельных стран. Девальвация национальной валюты не ставилась как задача в правительственных программах. Повышение монетизации экономики является следствием роста валютной выручки экспортеров. Лишь политику роста доходов как фактора стимулирования предложения в какой-то мере можно отнести к заслугам правительства. Итак, перечисленные факторы оживления сформировались стихийно, выступили как внешний дар, а правительство скорее паразитировало на этом, не прилагая существенных усилий по выработке и реализации масштабной программы экономического развития. Себе в заслугу правительство ставит формирование стабилизационного фонда за счет бюджетного профицита. Эта заслуга особенно сильно пропагандировалась в период последнего кризиса с указанием на то, что стабилизационный фонд служит запасом прочности экономики России перед вызовами и угрозами мирового финансового кризиса. Немного позже мы дадим оценку данным заслугам правительства.

Рассмотренные факторы явились конъюнктурными, недолгосрочными и противоречивыми. Конъюнктурность объясняется состоянием мировых рынков, которые имеют как повышательные, так и понижательные тенденции, в своем циклическом развитии. Конец 80-х гг. XX в. продемонстрировал понижатель-

ные тенденции. Конец первого десятилетия XXI столетия тоже демонстрирует понижательную тенденцию. Зависимыми от конъюнктуры оказались факторы импортозамещения и монетизации и рост доходов.

Противоречивость перечисленных факторов не стала еще предметом специального исследования среди экономистов, соответственно, она не учитывается правительством в выработке и реализации экономической политики. Между тем важность подобного анализа трудно переоценить. Начнем с доходов населения. Они действительно опережали рост ВВП. Рост доходов также опережал рост производительности труда. На самом деле это негативная ситуация роста незаработанных доходов. Их прямым следствием является усиление инфляционных или паразитических процессов. Либо сочетания двух негативных тенденций одновременно. Качественно и инновационно развивающуюся экономику за счет технологического прогресса характеризует опережение производительностью труда роста доходов. Тогда и рост ВВП обеспечивается преобладанием интенсивного фактора. Противоречивым был и фактор импортозамещения, поскольку он, как уже отмечалось, достался ценой высокой инфляции, девальвации национальной валюты и снижения реальных доходов населения. Противоречивым был и исходный фактор, превосходящий остальные факторы по важности — рост цен на экспортные ресурсы. Поскольку экспортные товары были включены в мировые тенденции роста цен на исходные сырьевые ресурсы, то несложно было прогнозировать, что по технологическим цепочкам этот процесс приводит к удорожанию конечных товаров и услуг, а это, в свою очередь, приведет к трудностям реализации и в итоге к рецессии. Истоки кризиса нельзя сводить только к трудностям ипотечного кредитования и иным финансовым причинам. Многолетний рост цен на исходные ресурсы должен был обернуться ростом цен на конечные товары и услуги: продовольствие, недвижимость и др. Взрыв цен на продовольственные товары, беспрецедентный рост цен на недвижимость — это обратный результат устойчивого роста цен на исходные ресурсы и одна из причин экономического кризиса. Возможно, это более существенная причина, чем кризис ипотечного кредитования и затруднения на финансовых рынках.

Россия относится к числу стран, получивших выгоду от роста цен на ресурсы, она имела финансовые возможности для противостояния экономическому кризису. При этом следует

иметь в виду, что данный кризис не только финансовый, а финансово-экономический, затрагивающий реальный сектор экономики. Противостоять такому кризису можно упреждающим инновационным развитием. Все ресурсы и накопления должны быть направлены на новые технологии: ресурсосберегающие, высокопроизводительные. Накопление профицита бюджета, полученного от конъюнктурных факторов, — это самая пассивная форма использования средств. С одной стороны, накопления складывались в стабилизационный фонд. Для смягчения финансового кризиса стабилизационный фонд служит хорошим инструментом. Активами в форме финансов легко поддержать затруднения в финансовом секторе. Но если это кризис не только и не столько финансовый, сколько финансово-экономический, с рецессией в реальном секторе, то стратегия стабилизационного фонда ошибочна. Активной позицией правительства в данном случае было бы использование всех накоплений и даже привлеченных средств на инновационное развитие и технологическое обновление. Именно такую политику проводили другие страны, например США, где не только накопления, но и бюджетный дефицит использовался для политики, стимулирующей инновационный тип развития. Поэтому Россия и развитые западные страны вступили в кризис с разными технологическими позициями. Соответственно, и выйдут они из кризиса в разном состоянии. В этой связи встает судьбоносный для экономики России вопрос: из большого цикла 1990–2010 гг. и финансового кризиса 1998 г. Россия вышла без обновления основного капитала, без инновационной составляющей, удастся ли ей из последнего кризиса выйти с технологически обновленной производственной базой? Без активной позиции правительства, направленной на достижение данной цели и с надеждой на инновационное могущество стихии рынка, достижение подобной цели нереально.

А это самый важный вопрос для экономики России. Более важных вопросов в обозримом будущем нет. Следует заметить, что в академических и университетских кругах развивались идеи существенной корректировки экономической политики, направленной на активную поддержку реального сектора и технологическое обновление. Лишь после наступления кризиса правительство стало обращать серьезное внимание на поддержку реального сектора, да и то после заботы о поддержке финансового сектора.

Инновационная риторика на фоне кризиса

Незадолго до наступления кризиса на уровне руководства РФ развернулась инновационная риторика, сопровождаемая отдельными мероприятиями по поддержке новых исследовательских направлений и перспективных технологий. Любая активность в данном направлении, поддерживаемая ресурсами и средствами, заслуживает поддержки. Но, к сожалению, два обстоятельства не позволяют рассчитывать на плодотворные результаты. Во-первых, это несколько запоздалые действия, наступивший кризис вызвал судорожную деятельность по противостоянию его разрушительным последствиям. Во-вторых, разноплановая деятельность по инновационному развитию не носит системного характера. Даже создание отдельных госкорпораций не объединено единой инновационной идеологией и программой межотраслевых и народнохозяйственных диверсификаций. Риторика преобладает над реальной деятельностью. Следует заметить, что в рамках СНГ уже накоплен более продвинутый опыт создания институтов развития.

Чем объясняется инновационная стагнация в России? Помимо объективных причин, связанных с кризисом и спадом производства (что тоже связано с субъективными принципами выбора модели реформ, имеющих гетерогенную природу и разрушительные последствия), имеются и локально субъективные причины. В плотных околоправительственных кругах экономических советников господствовала идея саморазвития экономики, ее само модернизации «снизу». Логическим завершением данной позиции явилась формула «чем меньше государственное участие, тем выше темпы экономического развития». Данная формула распространялась на модернизацию, инновации и все лучшее, что может произойти в экономике и обществе. Беспрецедентное участие государств развитых стран в судьбе частного бизнеса, демонстрируемое в последнее время, приглушило тон неолиберального оптимизма. Если брендовые фирмы США (Форд, Крайслер и др.) жизненно нуждаются в государственной помощи, а государство не может от них отмахнуться неолиберальной риторикой, надо думать об иных парадигмах. Заявления лидеров ЕС о том, что мировая экономика нуждается в новой финансовой и экономической системе, свидетельствуют не о конъюнктурном восприятии происходящих событий, в том числе и связанных с государственным участием. Назрел существенный вопрос об изменении характера

взаимодействия реального и финансового секторов экономики, и роли фондового рынка.

Кризис — не лучший фон для обсуждения теоретических вопросов инновационного развития. Но именно кризис высветил актуальность данной проблемы с несколько неожиданной стороны. Экономической теорией доказано и практикой подтверждено, что упреждающее инновационное развитие экономики является самым эффективным способом противостояния экономическим кризисам. А если кризис неумолимо наступил, то массовое обновление основного капитала (аналог массовой инновации) является основным позитивным результатом, оправдывающим лишения кризисной поры, и самым эффективным способом выхода на траекторию качественно нового этапа экономического развития.

Экономика решительно отклонилась от закономерностей циклического развития, старательно коллекционируя все негативные ее черты и обходя позитивные тенденции.

Экономический кризис породил довольно забавную оправдательную риторику. На нее можно было бы не обращать серьезного внимания, если бы она была невинной и не касалась причин кризиса, ответственности за ее результаты и оценки экономической политики. Ее цель состоит в том, чтобы далеко за океан отвести причины финансово-экономического кризиса, а отечественную экономику представить в виде невинной жертвы. По этой логике — раз причины кризиса далеко за океаном, то и виновные там же. Позиция предусмотрительной жертвы, накопившей рискованные резервы, куда предпочтительнее положения хотя бы соучастника. Но ведь отечественная экономическая модель выкраивалась по заокеанским лекалам и именно поэтому так синхронно лихорадит наши экономики. Правящая элита не решается даже на те заявления, которые все громче звучат из уст некоторых ведущих политиков в Западной Европе, о необходимости перестройки финансовой системы; изменения экономической политики и даже экономического миропорядка. Критика персон, олицетворяющих зарубежную экономическую политику, признанной первопричиной мирового финансово-экономического кризиса, должна продолжиться в критическом анализе модели экономического устройства, основы которой были созданы по их же рецептам.

Основным противоречием воспроизводственного процесса за последнее десятилетие была стерилизация средств (источников) инновационного развития. Благоприятная конъюнктура

мировых сырьевых рынков позволила накопить средства, которые превращались в пассивные фонды, размещенные в активах других стран. Экономика США, например, где размещалась часть стабилизационного фонда, функционировала при бюджетном дефиците, поскольку инновационно активная экономика с жадностью поглощает не только собственные накопления, но и привлеченные извне средства. Напротив, образование бюджетного профицита, а тем более его пассивная «стерилизация», являются свидетельством экономической политики, по своей сути отторгающей инновационный процесс в народнохозяйственном масштабе. Отдельные попытки поддержать перспективные направления развития науки и технологий носят точечный характер, но не характеризуют сущность экономической политики как инновационно ориентированной.

Достаточно убедительно звучали иные голоса, высказывавшие альтернативные взгляды. Еще в середине 1990-х гг. предлагалась политика инвестиционной экспансии в качестве национальной экономической идеи. В новых условиях предполагалось реализовать народнохозяйственную инвестиционную стратегию, соизмеримую с довоенной индустриализацией в СССР. Подобная идея в разных вариантах с разными подходами и обоснованиями развивалась в академических и вузовских кругах. Но иные кумиры властвовали умами политиков. Оказавшимся у разбитого инновационного корыта идеологам проводимой экономической политики остается забота о припасенных амортизаторах кризиса, над которым висит дамоклов меч обесценения в водоворотах финансового кризиса.

Заслуживает специального внимания еще одно противоречие глобальной экономики, всосавшей в воронку кризиса и нашу — отечественную. Страны, которые принято назвать развитыми, озабочены поддержкой финансового сектора экономики, в том числе и за счет бюджетных денег. Существует мнение, достаточно обоснованное и признаваемое многими экономистами и политиками, что причиной современного и предыдущего (1998 г.) кризиса является гипертрофированное развитие финансового сектора за счет клонирования вторичных активов и деривативов. И, тем не менее, именно в сторону финансового сектора обращена помощь этих стран. Реальный сектор, создающий реальные блага, остается в лучшем случае на втором плане. Развитые страны, будучи лидерами в области технологий, могут

себе это позволить, хотя и там имеются альтернативные мнения. Но российская экономика, пристраивающаяся им в затылок по части направлений финансовой помощи, находится в ином технологическом состоянии, и ей следует решать другие задачи как текущего, так и стратегического порядка.

Даже в Западной Европе часто звучат голоса довольно влиятельных политиков о необходимости существенного переустройства как финансовой системы, так и экономического мироустройства. Одним из назревших направлений в этом отношении является изменение пропорций и механизмов функционирования финансового и реального секторов в пользу последнего. Необходимо определить в приоритетности сектора экономики, несущего главную нагрузку по жизнеобеспечению общества. Но именно на финансовом секторе сосредоточены интересы владельцев всеобщей формы денежного богатства. Имея экономически обеспеченное влияние на власть, они едва ли позволят посягнуть на область своих интересов. Мировой кризис и политика властей по смягчению его последствий обнажили и социальные противоречия. Налогоплательщики США и Западной Европы справедливо ставят вопрос о том, почему за счет бюджетных средств оказывается помощь финансовым магнатам и спекулянтам, звучат голоса в пользу изменения направлений антикризисных мер. Например, предлагается на суммы, эквивалентные финансовой помощи, снизить налоги, с тем чтобы стимулировать спрос со стороны покупателей и уменьшить издержки со стороны производителей. Эти меры направлены на поддержку реального сектора. Несмотря на экономическую обоснованность данной позиции, за ней не стоит влиятельная институционализирующая сила.

Мобильность и сила влияния заинтересованных представителей финансового сектора оказались сильнее как в мире, так и в нашей стране.

Из глубочайшего кризиса девяностых годов Россия вышла ни с чем в смысле технологического обновления, нарушив тем самым закономерность циклического развития. Необычная с точки зрения теории и истории реальность еще не стала предметом глубокого анализа и прогностических оценок. Возникла новая проблема, точнее та же проблема, только в новом издании: с чем мы выйдем (в том же смысле технологического обновления) из очередного кризиса? Заявления политиков и некоторых экономистов о том, что экономика России

выйдет из кризиса еще более сильной, можно лишь по форме оценить как перспективные. Но нигде не излагается суть экономической политики, отторгающей инновационное развитие. Почему именно этот кризис должен усилить экономику, если этого не сделали другие кризисы? Ответы на эти вопросы не предполагаются, они не ищутся активно, поскольку в этом случае придется оценивать суть проводимой политики. К этому правящая элита и обслуживающая ее экономическая теория не готовы. Преобладают настроения переждать экономический кризис, ничего по сути не меняя в модели экономической политики в сторону реального сектора экономики с сильным акцентом на технологические инновации, усугубится технологическая маргинализация российской экономики, обреченная на еще большую зависимость от конъюнктуры мирового сырьевого рынка.

Инновационная риторика сменилась модернизационной. Речь идет лишь об уровне осознания важности проблемы на уровне высшего руководства России. Ее практическая реализация, вылившаяся в перетягивание бюджетного каната между Минфином и Минэкономразвития, свидетельствует о суетности практических действий. Проблема нынешней модернизации сопоставима с довоенной индустриализацией. Соответствующими должна быть политическая воля, ресурсы, научно-технические разработки и механизмы. Главный вопрос — ресурсы, которые должны соответствовать масштабам изменений.

Заключение

Российская экономика выходит из БТЦ существенно ослабленной, с утраченными преимуществами, не приобретя новые. Вхождение в ВТО в условиях интенсивной глобализации порождает новые риски, еще не вполне исследованные и недостаточно оцененные.

Россия оказалась в числе стран, получившей большие доходы от конъюнктурного роста цен на товары ее сырьевой группы. Она имела уникальный исторический шанс использовать «золотой дождь» для упреждающего технологического рывка при определенной политике. Это не запоздалое прозрение. Такая точка зрения активно излагалась экономистами академического и университетского базирования. (Мы предлагали политику инвестиционной экспансии, соизмеримой в историческом масштабе с довоенной индустриализацией, превратить в национальную экономическую идею). Но были более значимые авторитеты, занимавшие те же

позиции (академик РАН Д. С. Львов, чл.-корр. РАН С. Ю. Глазьев и др.) Но эти идеи не могли пробиться через плотные слои околотельственных экономистов, «толпою жадно теснящихся у трона», монополизировавших все правительственные заказы и гранты. На государственные деньги они развивали идеи «модернизации снизу», «либерализации внешнеэкономической деятельности». Был даже «выведен» закон — чем меньше государственное участие в экономике, тем выше темпы экономического роста (это плоды интеллектуальных усилий бывшего экономического советника главы государства и его единомышленников). Между тем, эффективна та экономика, которая поглощает все свои накопления на нужды технологического прогресса. А еще эффективней экономика, заимствующая на эти же цели, поскольку при этом происходит накопление конкурентоспособности. Всевозможные накопления денежных фондов при устаревших производственных фондах — это изъятие из активного оборота ресурсов реальной экономики в пользу финансового сектора, да еще и содержащихся в зарубежных активах. По этим основаниям мы оцениваем проводившуюся в России экономическую политику как стратегически неэффективную. Она инерционна, безрискова и удобна для правительства, ибо под рукой на случай кризиса оказалась финансовая соломка, которую и подстелить можно.

Нам видятся два варианта активной экономической политики, имеющих стратегическое значение. Выбор варианта зависит от глубины проникновения кризиса в реальный сектор. Если оправдываются неблагоприятные прогнозы, сравнивающие спад с Великой депрессией, то надо спасать экономику развертыванием широкого фронта работ по созданию производственной и социальной инфраструктуры и стимулировать реальный сектор расширением внутреннего спроса. В соответствующую программу может быть включено строительство дорог, портов, мостов, жилья, инфраструктуры ЖКХ, городских хозяйств, объектов социального назначения. На эти цели потребуются расходы не только государственных, но и частных и корпоративных накоплений, поскольку речь идет о программе поддержки и развития всей национальной экономики. Вспомним, что подобными методами Рузвельт выводил американскую экономику из той самой Великой депрессии, причем не имея накоплений. Он пошел на расширение бюджетного дефицита для стимулирования спроса; стимулировал инвестиции регулирова-

нием предельной процентной ставки; вводил государственные гарантии для страхования частных инвестиций и т. д. (Элементы Нового курса Рузвельта явно присутствуют в политике Б. Обамы).

Если же метастазы проникновения кризиса в реальный сектор удастся купировать методами монетарной и фискальной политики, не прибегая к чрезвычайным мерам, то надо реализовать, как уже упоминалось, политику инвестиционной технологической экспансии как общенациональной экономической идеи. По историческому значению она должна быть соизмерима с довоенной индустриализацией, которая вывела страну на уровень мирового технологического развития, с созданием десятков новых отраслей, изменивших весь экономический облик страны в тот исторический период. Заметим, что и при советской индустриализации не было государственных накоплений. Конечно, индустриализация потребовала ограничений в потреблении ради промышленного накопления. Теперь таких ограничений не требуется. Необходимо мобилизовать государственные накопления, стимулировать частные и корпоративные инвестиции, а для создания технологий национального значения можно прибегнуть к заемным ресурсам (как внешним, так и внутренним) и даже бюджетному дефициту. Конечно, это масштабные задачи, но они, как свидетельствует исторический опыт, реализуемы. Альтернативой является вялотекущая политика расходования государственных накоплений. Нельзя считать стратегической политику финансовой подпитки экономики, без ясной промышленной и инновационной программы, да еще и за счет урезания важных расходных статей бюджета, например, на образование.

Остается рассмотреть еще один общий вопрос, который иногда обсуждается в связи с нынешним кризисом: окажет ли влияние нынешний кризис на экономическое мировоззрение и миропорядок? Судя по материалам деклараций «Большой двадцатки», существенных перемен не будет. Там говорится о незыблемости рыночных принципов, хотя и допускается эффективное регулирование финансовых рынков. Но часто высказывались и иные точки зрения, в том числе и руководителями европейских стран, о том, что необходимо фундаментальное реформирование финансовой системы и даже мирового экономического порядка.

Заслуживают внимания неофициальные мировые форумы ученых и политиков, кото-

рые можно назвать альтернативными и даже оппозиционными по отношению к позиции ведущей двадцатки в оценке причин кризиса и перспектив мировой экономики. VI мировой общественный форум «Диалог цивилизаций» (2008 г.) был посвящен развернутой критике либеральной теории и идеологии. Но по части позитивных предложений отличается мнение канцлера Австрии Альфреда Гузенбаура, который считает необходимым создать международный финансовый институт (организацию) наподобие ВТО для регулирования финансовых рынков. Основная идея состоит в том, чтобы освободиться от мировой долларовой экспансии. Идея выстрадана мировой (неамериканской) экономикой. Но нет пока определенных реальных способов ее реализации. Возврат к аналогам Бреттонвудской системы невозможен в условиях нынешней глобализации экономики. Правильная, но очень запоздалая идея. Она высказывалась отечественными экономистами на начальной стадии повышения цен на энергоносители.

Контроль над мировой финансовой системой и даже создание новой финансовой системы — это очень важная проблема, но для мировой экономики она носит частный характер. При всей ее важности она не соответствует уровню нового мирового экономического порядка. Из нашего анализа и оценок следуют выводы, которые носят скорее концептуальный, нежели экономически технологический характер.

1. Альтернативой либеральной модели является социально ориентированная экономика, высшей целью которой является рост благосостояния и развитие личности каждого гражданина, а не концентрация сверхбогатства у узкой прослойки группы людей, получивших власть над ресурсами.

2. Если социально персонифицированным субъектом нынешнего кризиса является финансовый олигархизм (власть и контроль сверхбогатства), то ему может быть противопоставлен социальный субъект массовой самоорганизации производителей реальных благ, способный влиять на власть и управление.

3. Стихийным регуляторам рыночной экономики должно быть противопоставлено регулирование, основанное на современных информационных технологиях.

4. Глобальному финансовому контролю олигархических групп на международном уровне должна быть противопоставлена политика финансового полицентризма, укрепление и конвертируемость национальных валют.

5. В экономической политике преобладала идея «модернизации снизу». Она подпитывается определенными кругами экономистов. После ее очевидных результатов (точнее, отсутствия оных), идею и цели модернизации следует поставить на почву стратегической промышленной политики с определением приоритетных отраслей; конкретизацией проектов и персонификацией субъектов; определением источников и способов реализации. На наш взгляд, основным противоречием стратегии модернизации является то, что субъект, инициирующий модернизацию (высшее руководство страны), не обладает достаточными ресурсами, а субъекты, в чьи руки перешли основные ресурсы и денежные потоки, уже давно позаботились о системной модернизации условий своего бытия и едва ли заинтересованы в системном изменении условий жизни общества.

Если признать в качестве главной цели экономического развития России модернизацию как системное изменение среды обитания, уровня и качества жизни, то в качестве главного выдвигается вопрос о субъекте. Экономические ресурсы в результате радикальных реформ распределены в пользу тех субъектов, которые коренную модернизацию условий своего обитания уже произвели. Насколько их может волновать судьба экономики в целом? Сторонники модернизации «снизу» не отвечают на вопрос о том, почему до сих пор этого не происходит. Ведь краеугольным камнем приватизации было положение о том, будто негосударственные формы собственности по определению обладают сильным потенциалом прогрессивного развития на основе частного интереса. Общество вправе выдвинуть «модернизационные» требования к тем, кому были отданы государственные (природные и созданные трудом) ресурсы. Именно их обладатели ответственны за выполнение поставленной задачи. Конечно, ресурсами обладает и государство, которое должно их использовать для поддержки инновационно мотивированных субъектов. Но они ограничены. Государственные ресурсы должны быть расширены за счет дополнительных источников рентного и монопольного происхождения. Государство, выдвинувшее идею модернизации как общенациональную задачу, должно иметь средства, ресурсы и механизм реализации. Однако это еще не разрешение указанного выше противоречия. Предстоят институциональные изменения, которые должны соединить ресурсы инновации с инновационно мотивированными

субъектами. Пути и способы решения этой социально острой проблемы подлежат дополнительному изучению и обсуждению.

Суть предлагаемой нами альтернативы состоит в следующем. Поскольку нынешний малый цикл (МЦ) образовался до завершения БТЦ, характер его протекания и последствия зависят от влияния на него факторов БТЦ. Силы (факторы), влияющие на МЦ со стороны БТЦ, столь значительны, что они подавляют факторы развития МЦ и не позволяют осуществиться общим закономерностям экономического цикла, в особенности его инновационной составляющей с обновлением основного капитала. Что это за негативные факторы БТЦ? Если кратко, то это основные направления радикальных экономических реформ, которые, как теперь признают даже многие их адепты, ставили цели политические, а политика выступила средством разрушения прежней экономической системы. Вопросы инноваций, модернизации и обновления основного капитала не ставились, хотя без риторики и тогда не обошлось. Утверждалось, например, что передача государственных предприятий в частные руки вызовет к жизни инновационную силу частного интереса, и экономика преобразуется. Для убедительности приводились примеры развитых стран с рыночной экономикой. При этом за скобками оставался тот факт, что в тех образцовых странах частный интерес не был развращен безвозмездной раздачей чужой, незаработанной собственности. Одно дело — когда собственность в любой ее составляющей создается трудом (в широком смысле) и в конкурентной борьбе, являющейся главным двигателем инноваций и модернизации. Другое дело, когда частная собственность достается без приложения конкурентных и иных усилий. Получив в результате приватизации не только имущество, но и готовые потоки доходов, новые собственники устремились модернизировать условия своего бытия и успешно с этим справляются. С инновациями обстоит гораздо хуже. Приватизационный фактор в числе других угнетает инновационную перспективу экономики России. И выход, как нам представляется, тоже надо искать в этом же направлении. Высказывая данный тезис, мы не имеем в виду возврат к исходным позициям доприватизационного периода. История не имеет обратного хода, какие бы силы ее ни творили. Суть альтернативы в другом.

Государству следует провести акцию, по масштабам соизмеримую с приватизацией, только иной, инвестиционно-инновацион-

ной направленности. Все ранее приватизированные предприятия объявляются объектами открытых инвестиционных конкурсов. Победителями этих конкурсов могут быть как собственники, так и сторонние лица. Активы предприятий должны быть перераспределены в пользу инновационно мотивированных и инвестиционно состоятельных экономических субъектов. Им может быть и государство на равных конкурсных правах, если ресурсы потребуются для стратегических задач модернизации. Если победителями конкурсов становятся не собственники предприятий, то в этом случае активы предприятий перераспределяются в пользу новых собственников, а прежние собственники получают возмещение в размере средств, потраченных при приватизации. Отдельно должны быть учтены амортизация и присоединенные инвестиции. Стало быть, речь не идет о национализации. Предлагаемая процедура касается только прежде приватизированных предприятий. Она не касается вновь созданных предприятий за счет негосударственных средств. Данная идея, направленная на инновации и модернизацию, не радикальней и не масштабней приватизации, и не менее реализуема при условии принятия в качестве стратегической задачи на государственном уровне.

К этим предложениям возникает ряд вопросов. В частности, вопрос о том, кто будет определять победителей инвестиционных конкурсов. Это должен быть коллегиальный орган. В нем должно быть присутствие представителей государственных органов, поскольку процесс должен проходить в нормативных рамках. Но он не должен быть отдан на откуп только чиновникам. В коллегиальный орган должны входить представители местного самоуправления, обязательно представители профессиональных сообществ и эксперты, включая зарубежных. Можно обсуждать проблемы практической реализации данной идеи. Но важно обратиться к ее сути. Два десятилетия прошло с тех пор, как проведены реформы, призванные, как тогда заявлялось, благодетельствовать народ созданием цивилизованной рыночной экономики, которая на основе сил и стимулов частного интереса выведет страну в число экономически развитых стран, а народ — к мировым вершинам благосостояния. Ничего этого не случилось. Теперь государству надо совершить новую реформу, сопоставимую по масштабам с приватизацией, только вместо простой смены форм собственности теперь надо провести перераспределение активов в пользу

инновационно мотивированных субъектов с вектором модернизационной направленности. Практическая реализация предложения по перераспределению прав собственности инновационной направленности связана с целым рядом трудностей. Но их не больше, чем было при приватизации разрушительной направленности.

Список источников

1. Россия в цифрах 2010 / Федеральная служба государственной статистики. — М., 2010.
2. Экология и жизнь. — 2009. — № 11-12.

УДК 330

Ключевые слова: большой трансформационный цикл, финансовый кризис, производительная сила, потребительная сила, качество роста, инновационная риторика, открытые инвестиционные конкурсы